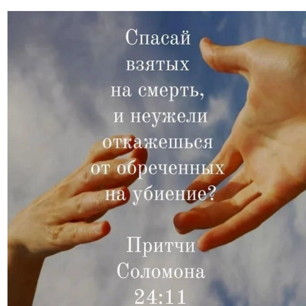
Доклад о служении в детских домах - Анатолий Маевский

Мир вам, братья! Многих из вас я знаю, где-то по служению пересекались. Хотел взять текст из Библии Книга Притч, глава двадцать четыре, одиннадцатый стих:

> 11 Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обречённых на убиение?
>
> Притчи 24 глава — Библия: https://bible.by/syn/20/24/#11

У меня в общем-то жизнь это наркоманы, алкоголики, зоны, тюрьмы. Там, где людям плохо. Дома престарелых и вот детские дома. Это лет, наверное, четырнадцать назад, первый раз мы попросили посетить детский дом в Иркутской области. А я хорошо помню, ребятишки впереди сидели, как вот вы тут сидите, но они поменьше были, лет девять, десять. И я так умно вышел, баптист уже со стажем. И Вадика там одного вижу перед собой и говорю ему:

- Слушай! Вадик! Иисус хочет быть твоим другом!

А он взял и заплакал. Я растерялся, я говорю, что Иисус другом твоим хочет быть. А он еще больше плачет и говорит:

- А у меня мама умерла.

Я подошел, обнял, вот так, и оба плачем. Я такой, уже седой, древний и он, мальчишка. Я понял, что продолжение моей жизни - это вот эти детские дома.

Это те дети, те дети, у которых шансов, в общем-то, особых нет. И вот лет пятнадцать этим... Это не служение, это просто жизнь моя. Я езжу в детские дома. Почему взял эпиграфом вот этот текст: "Спасай взятых на смерть"? Потому что с этими людьми мне приходится встречаться на протяжении всей их дальнейшей жизни. В начале это детские дома, где они брошенные. Там всякие ситуации, кто-то может быть даже брошенный, в мусорку брошенный. Потом после детских домов это бессрочка. Бессрочка знаете что такое братья, да? Это там где им еще четырнадцати лет нет, а они уже там находятся - это преступники. Вот на севере Омской области в Тарском районе, я посещаю эту бессрочку. Я помню первая беседа с ними и там один пацан закричал:

- Дядь Толь! Чё, неужели Иисус может освободить от воровства?

Я говорю:

- Ты что, воришка?

Он говорит:

- Ворую, дядь Толь. Вот где бы, чтобы не лежал, ну не смогу не своровать. Неужели Иисус

сможет освободить?

Я говорю:

- Ну пойдем! Пойдем, помолимся...

Вот он плакал:

- Иисус! Я не хочу...

А ему четырнадцать лет. Андрей. Я имя его запомнил. И он говорит:

- Я не хочу воровать.

Я тоже вместе с ним молился. И вот последний раз я приехал туда, сразу его увидел и говорю:

- Ну что, Андрюха?!

- Дядь Толь, я больше не ворую.

И вот там поток пошел, я говорю может кто-то хочет еще получить свободу. Я в общем-то и не звал их, но они молятся не так как мы баптисты. Они приходят и просто говорят:

- Я не хочу воровать, не хочу материться, не хочу пить. Господи, освободи меня!

Вот их там было двадцать семь человек. И человек двадцать идут и идут, поток. Это просто горе. Горе это детское. Бессрочка, а потом малолетка. Потом малолетка у этих, а потом уже взрослые зоны.

Вот я посещаю Краслаговские лагеря там очень много таких, которые детдомовские. Те, которые начинали вот так никому не нужные, брошенные, а потом зоны, зоны. А потом я встречаю их в своем братском доме. Этим служением тоже четырнадцать лет занимаюсь. Они туда приходят, некоторые приходят уже ног у них нет. У некоторых умственные способности подшатанные. Это целый цикл, это целый даже не цикл, это целый пласт жизни.

И вот к этому детскому служению хотел бы, чтоб мы обратились именно как к целому пласту. Если мы с детства им не скажем Слово Божие, придет время и они пойдут вот по этим стопам, что я сказал: бессрочки, малолетки, зоны. А потом придут в наши братские дома, уже развалинами придут. Ну, а так может быть грубо, где-то я посещал, где-то может помогал начинать, где-то приезжали ко мне братья. Где-то около двухсот, может быть сто восемьдесят детских домов вообще, по этой, нашей СНГ посещают наши братья. И тут спросили - как начинать? Ну вначале вообще, в самом начале это была личная встреча. То есть приезжали в этот детский дом, молились, разговаривали. Ну и старались убедить. Убедить, что этим детям нужно нечто большее. Помню Черемхово, Иркутская область я там не был, братья рассказывали. Когда первый раз приехали, говорят:

- У нас богатые спонсоры. У нас есть все, а что вы можете дать?

Мы в простой одежде приезжаем, курточка там такая, потому что по тайге ездить не так-то просто в этой одежде.

- Что вы можете дать?

Полтора часа шло служение, и через полтора часа директор говорит:

- Всё! Я поняла, я все поняла. У вас есть то, что у нас нет.

И знаете единственное, что мы можем туда отдать, ну можно и подарки, конечно, дети они есть дети. Это любить их нужно. Просто любить.

Когда я езжу с некоторыми девчатами, маленькие такие наши девчата, ну восемнадцать лет. И они смотрят на этих детей, они плачут. Наши плачут! Я думаю: "Слава Богу! Нашим еще может даже полезнее". Плачут и переживают.

И еще вот эти детские дома, это Владивосток и там слабослышащие. У нас в Новосибирске слабовидящие или слепые. Ну глухие или слепые, такие вот есть. Эти дети, они, наверное, более восприимчивы к Слову Божию, чем кто-либо. Вообще более восприимчивые! И вот я посмотрел, как у них. Заканчивается собрание или как ее назвать? Встреча заканчивается и они вдоль сидушек идут, идут там потихоньку, а там дверь и особо не за что удержаться, и вот кто еще немножко видит, берет за руку и смотришь, так заботливы. Или тифлонограф этот показываешь, ну может у меня слов достаточно не хватает, а эти же видят слабовидящие, они там подсказывают.

Глухие (очень хорошо) слушают Слово Божие, в наших церквях бы так слушали Слово Божие. У них так вот рты открытые, они просто так ловят, как Слово Жизнь, чтобы что-то схватить.

Эти детские дома, школы-интернаты, хотел сказать вообще какие методы есть их очень много методов. Просто это зависит от характера, от наших способностей. Кто-то берет на выходные дни. Семьи выходного дня, ну это неплохо в общем-то, хотя чтобы взять так нужно быть готовыми, то есть не бояться, что твои дети могут там получить гораздо больше худшего, чем лучшего.

Дежурство в больницах. Это в Киргизии там особо развито. Там Володя занимается этим служением. Воспитатели там, где не могут находиться, они обращаются к нашим братьям или сестрам. И просят о том, чтобы неделю или две подежурить, вместе с этим ребенком.

Опекунство. Я бы хотел сказать может быть даже про неверующую семью, это Хор Тагна, Иркутская область. Толя и забыл как женщину звать. Они не верующие, ну как по православному верующие. И вот за время своей жизни, как я понял, они тридцать детей взяли! Тридцать детей, которые прошли через их семью! Ну может быть раз в год я стараюсь посещать или приезжать туда. И у них, у этих детей, которых они брали, у них свои уже дети есть, они как внуки приезжают. Они неверующие. Я так вот смотрю. А что их побуждает? Что их побуждает заниматься этими детьми? И вообще вот у неверующих я даже больше учусь отношению к этим детям, чем то, что может быть есть у нас.

В Ростове посещали детский дом и там на площадке дерево такое, и на дереве, ну рисунок и на дереве фотографии, фотографии тех, кто был в этом детском доме. И воспитательница за одну фотографию рассказывает, Володька по-моему звать его, мальчишкой года четыре ему было, единственное слово, которое он выговаривал "мама". Он маму в жизни никогда не видел, но это

единственное слово, которое он выговаривал. И приходит женщина, я забыл к своему стыду имя, она пять детей взяла таких подобных и ждет очередного. У нее бумага, уже всё оформлена, она ждёт когда ей выдадут этого ребенка. А между ними дверь, там Вовка стоит, который только "мама" говорит, она по эту сторону двери ждет. И дверь открывается, этот пацан оборачивается и кроме этого слова он больше ничего не знает и кричит:

- МАМА!!! МАМА!!!

Как кинется прямо, и обнял, и не отпускает ее. Это воспитательница рассказывает и (та женщина) говорит:

- Это мой!

И вот этих детей пять человек подобных, ну как их овощами считают? Это люди, с которыми неизвестно что будет, они в общем-то и жить долго не будут. И вроде как и образованию не подлежат. Пять детей таких она сделала эта женщина.

Тут просто учишься, смотришь...

Ну какие еще способы? Волонтерство. Сейчас оно силу большую набирает это волонтерство. Берёшь документы, у нас "Дом тепла" есть, вон видите, Паша Поисков сидит? Где ты, Паша? Руку подними...

Паша Поисков очень хороший этот фонд "Дом тепла". Как-то одно время мы пытались в Сибири сделать, но тут братья, раз, так зарезали. Говорят: "Не надо" Слава Богу, что этот фонд есть. То есть можно обращаться через этот фонд и говорить: "Вот есть благотворительный фонд". И люди идут на встречу. И вот волонтерство, а там бумажку-то написать не очень-то сложно. Ты можешь приходить туда и просто служить детям. И практикой, и пищу там можешь готовить. Ну и Слово Божие можешь говорить.

Потом с чем я встретился, прокопчане мне сильно понравились - лагеря для неверующих детей. Я не помню сколько там их было? Человек сто, наверное? Это вообще дети из неверующих семей, но они слушают Слово Божье вообще (хорошо) и лучше внимают чем наши дети, дети рассеяны, там могут отвлечься, а те просто рот открыв слушают. Они молятся, они искренне молятся. Я не знаю сколько членов Церкви. Ну вот, наверно, Полинка, да? Она членом стала, вот этих паркопчанок спрашиваю. Вот интересно, какая вера у нее хочу немножко рассказать. Когда кончилось собрание она покаялась, на лавочке сидит ей 14 лет и плачет.

- Дядь, Толь! Хочу поговорить.

Я говорю:

- Что ты хочешь? Что тебе надо?

Она говорит:

- Я Иисуса хочу сильно обнять.

Я сел и тоже плачу. И, наверно, старый, сентиментальный. А знаете, над чем плачу? Я-то над собой плачу. Я забыл, когда я последний раз хотел Иисуса обнять. Я забыл об этом! Слово Божие

я знаю, проповедовать могу, песни христианские петь, а когда у меня это было, что я Иисуса за ноги сильно-сильно хотел обнять? Я у этих детей учусь.

Сейчас она член Церкви, эта Полинка. Она как овечка. Как-то раз взял ее туда, где туберкулезники. Там их человек, наверное, десять-пятнадцать было. И мы там песни пели. И я потом говорю Полине, чтобы она рассказала о своей жизни, а потом про себя думаю: "Ну они же все синие, они все сидячие, как они будут её слушать?" И вот овечка вышла и говорит (образно):

- М-е-е-е-е... М-е-е-е... Я такая вот была, первый раз как меня в Церковь привели, как эту звездочку увидела...

Они все сидят и плачут, сидят и плачут. Это вот те, кто приходит через эти лагеря (христианские для неверующих детей).

В Киргизии лагеря для детских домов (организовываются). Раза два или три я там был, мне сильно понравилось. С двух, трех, четырех детских домов собирают этих детей. И игры проводят, там даже канат мне давали, чтоб я потянул. С той стороны здоровый такой брат был, как дернул, я аж упал даже. Ну детям там хорошо.

Ну какие еще методы? Ну наглядные картинки...

Всё? Пора заканчивать?

В общем друзья! Останавливают братья. Если ты любишь детей. Если ты любишь детей, вот здесь вот у тебя слёзы есть, ты всегда найдёшь, что сказать и как сказать?

Аминь!

Комментарии
